

А.С. Зуев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: zuev@lab.nsu.ru*

“АМАНАТОВ ДАТЬ ПО ИХ ВЕРЕ ГРЕХ”: ОТНОШЕНИЕ ЧУКЧЕЙ К РУССКОЙ ПРАКТИКЕ ЗАЛОЖНИЧЕСТВА (XVII–XVIII)

В ходе присоединения Сибири одним из важнейших инструментов подчинения аборигенов русской власти была практика заложничества – аманатства. Она активно применялась как для предотвращения, так и для прекращения сопротивления непокорных и рассматривалась русской властью как гарантия исправной уплаты ясака. Поэтому русские стремились брать в заложники “лучших людей” – глав семей и родов – или их ближайших родственников. Система аманатства в целом себя оправдала, облегчив установление в Сибири ясачного режима. Но на Крайнем Северо-Востоке – на Чукотке – она дала сбой.

В середине XVII в., вступив в контакт с чукчами и эскимосами*, русские предполагали в отношении их действовать опробованным прежде методом – принуждать к уплате ясака, захватывая аманатов. Однако чукчи не “держались” аманатов и отказывались платить ясак. Уже в 1648 г. сидевший в аманатах в Нижнеколымском остроге “сирота чюхачей детина” Апа жаловался русским: “...на усть Колымы реки поймал меня, Апу, Якутцково острогу сын боярской Василей Власьев. И с тоя поры, государь, и отец, и мати мои,

*Русские источники XVII–XVIII вв. совершенно не выделяли азиатских эскимосов как особый народ и относили их к чукчам. Поэтому исследователям практически невозможно разобраться, когда в документах речь идет о чукчах, а когда об эскимосах. Учтивая это, мы применительно ко всему населению Чукотского полуострова употребляем этноним “чукчи”, охватывающий не только собственно чукчей, но и азиатских эскимосов.

и род, племя отступилися и твоего, государева, ясаку под меня не платят” [Открытия русских землепроходцев..., 1951, с. 254–255]. Позднее, в 1675 г., якутский воевода А.А. Барнешлев сообщал в Сибирский приказ: “...с тех чюкоч и коряк емлют в аманаты отцов и братьей и детей, и те коряки и чюхчи тех аманатов покидают, и ясаку под них не платят” [Дополнения..., 1857, с. 407]. Несмотря на это, во второй половине XVII – первой половине XVIII в. власти предписывали управителям северо-восточных острогов и крепостей брать аманатов у чукчей, а также у коряков. Но если последние к середине XVIII в. стали выдавать заложников (иногда даже добровольно), то чукчи упорно этого не делали и отказывались вносить ясак под сородичей, захваченных русскими.

Стремление подчинить и объяснить чукчей заставило русскую сторону активно использовать силу, что привело к длительному русско-чукотскому вооруженному противостоянию (см.: [Зуев, 2002, 2005]), но это не изменило ситуацию. В 1676 г. казачий десятник И. Рубец сообщал якутскому воеводе: “На реке Анадыре живут неясачные иноземцы чухчи, и близ моря, и тех чухоч многие служилые люди преж того поимывали и аманатов с них брали детей и братию и они де чукчи тех аманатов отступаютца и аманаты их не держат” (цит. по: [Вдовин, 1965, с. 110]). В 1711 г. чукчи заявляли ясачным сборщикам: “...и прежде сего русские люди у них, чюкоч, кочами морем бывали, и в то де время они, чюкчи, им, руским людем, никакова ясаку не платили, и ныне де платить не будем, и де-

тей своих в аманаты не дадим” [Памятники..., 1882, с. 456–459; 1885, с. 526; Колониальная политика..., 1935, с. 156–158]. Командир Анадырской партии Д.И. Павлуцкий по итогам похода 1731 г. на чукчей констатировал, имея в виду провал попыток принудить их платить ясак под заложников: “...не токмо оным чюкчам в склонение притти и ясак платить и аманатов дать, но оные чюкчи народ непостоянной, не так, как протчие иноземцы в ясашном платеже обретаютца, отцы детей, дети отцов своих отступаютца” (цит. по: [Зуев, 2003, с. 135, 137]). Такой вывод Павлуцкий сделал на основе личного опыта общения с чукчами: во время похода, когда русский отряд находился недалеко от Сердца-камня (г. Прискальная на северном побережье Анадырского залива), к нему пришли тойон Чимкаигин и “лучший человек” Копенкин и предложили себя в аманаты, заявив, что сородичи внесут “под них” ясак. Павлуцкий согласился. Однако сородичи вместо уплаты ясака “по камням и сопкам разбежались”, поставив под угрозу жизнь аманатов. Через несколько дней Копенкин зарезал себя ножом, а Чимкаигин попросил убить его, “потому что как дети, так и родники ево за ним не пошли”. Просьба была исполнена (РГАДА, ф. 199, оп. 1, № 528, ч. 1, д. 17, л. 5–5 об.). По сути, оба чукотских вождя, сдаваясь в плен, заранее знали, что обречены на гибель. Г.Ф. Миллер в одной из своих работ по поводу стойкого нежелания аборигенов Чукотки идти в русское подданство отметил, что даже проводимые казаками демонстративные казни взятых в плен заложников на глазах у их непокорных родственников не могли заставить чукчей платить ясак [Элерт, 1998, с. 125]. В 1756 г. во время переговоров с русскими чукчи, уже склоняясь к миру и соглашаясь вносить ясак, выражали несогласие выдавать аманатов (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 528, ч. 1, д. 3, л. 27; д. 17, л. 21; д. 18, л. 10–10 об.; ч. 2, д. 3, л. 25–25 об., 27 об.; № 539, ч. 2, д. 6, л. 34 об., 36).

С чем связано такое упорное нежелание чукчей давать аманатов, а особенно категорический отказ вносить под них ясак, учитывая, что последнее могло привести и приводило к гибели сородичей? В этнографической литературе этот феномен – специфика поведения чукчей (и отчасти коряков) – констатируется как факт, но никак не объясняется. В данной статье мы, не претендуя на бесспорность выводов (поскольку проблема требует рассмотрения в контексте всей системы мировоззрения чукчей), выскажем некоторые соображения, которые должны способствовать поиску ответа на сформулированный выше вопрос. В первую очередь отметим, что до появления русских чукчи в отличие от многих других сибирских народов в принципе не знали института данничества и заложничества. Поэтому требование уплаты ясака и выдачи аманатов вызы-

вало у них недоумение: “они де того не знают, какой ясак и как государю давать” (1642 г.) [Открытия русских землепроходцев..., 1951, с. 143], “мы де ясаку не знаем и не платим и не промышляем... какой де с нас ясак просите...” (1732 г.) [Ефимов, 1948, с. 239]. А поскольку казаки в соответствии с “инструкциями” были обязаны брать аманатов при первой же встрече, то уже одно это вызывало конфликтную ситуацию и заставляло аборигенов видеть в чужеземцах врагов, которые захватывают (непонятно для каких целей) их сородичей. Но это первое впечатление. А ведь чукчи и впоследствии, когда уже познакомились с русскими и их порядками, категорически не принимали аманатства и, вновь подчеркнем, не платили ясак ради сохранения жизни сородичей, захваченных в плен русскими.

Такое восприятие аманатства, на наш взгляд, можно объяснить тем, что оказавшихся в русском плену членов своих общин чукчи рассматривали уже как мертвых. Г.Ф. Миллер, опираясь на показания служивых людей, утверждал, что взятого в аманаты сородича чукчи считали потерянным для себя [Элерт, 1999, с. 95]. Подтверждение этому находим в показаниях самих “иноземцев”. Так, взятый в аманаты чукча Тыгагин сообщил приказчику Анадырского острога А. Пушину следующее: «...как ево взяли в аманаты в прошлом во 198 [1690] году, и он де на корге с коча с ними, чюхчами, перекликался и призывал их под себя в Анадырский острожек великих государей с ясачным платежом, и они де, чюхочьи мужики, родники ево, сказали: “не будут под него в Анадырском острожке великих государей с ясачным платежом, *будто ево земля взяла* и не столько у них, чюхоч, *морем емлют* (здесь и далее курсив наш. – А.З.)”» (цит. по: [Полевой, 1997, с. 43–44]). В 1756 г. во время переговоров с майором И.С. Шмалевым чукчи заявили: “А о даче аманатов все единогласно объявили лутчия люди Аризпуга, Амулят, Петунин, Татымкин: дать по их вере грех, а хотя бы де от них оные и даны были, а злое их намерение будет, то де и аманатов оставить могут и сожельть по их обыкновению не будут, полагая *тех аманатов якобы море взяло* и бутто бы потонуло” (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 539, ч. 2, д. 6, л. 36). Практически то же самое чукчи повторили в 1767 г. капитану Я. Пересыпину: “...никогда и напред сего как деда, так и отцы их руским людям аманатов не давали, коих де по их обыкновению давать за немалой грех почитают, а хотя б де оные от них и даны были, а когда злое намерение их будет, то де и аманатов оставить могут, о коих их и сожаления почитать не будут, *полагая якобы оных по их иноверческой обыкновности море взяло*, чему они и подражают” (Там же, д. 3, л. 30 об.). В 1778 г. сотник Т. Перевалов, участник походов Павлуцкого на Чукотку в 1740-х гг.,

в своих показаниях камчатскому командиру М. Бему, в частности, отметил: "...во время походов попадались и браны в аманаты ис тоенов, а как дети их с родом отойдут, оставя отца, и скажут: *более того у них берет море*" (Там же, ф. 7, оп. 1, д. 2451, л. 17).

Вышеизложенное позволяет предположить, что чукчи были привычны к смерти и относились к ней совершенно спокойно; поскольку люди часто гибли на охоте ("море взяло") или войне, а также в результате суицида ("добровольной смерти"), то для них не имело принципиального значения сохранение жизни нескольких заложников. Тем более, что последние все равно стремились покончить жизнь самоубийством. В связи с этим следует обратить внимание на распространенную у чукчей практику "добровольной смерти", когда старики, неизлечимо больные, увечные, или сами кончали жизнь самоубийством, или просили ближайших родственников убить их. Казак Б.А. Кузнецкий, находившийся в плену у чукчей в 1754–1755 гг., позже в показаниях анадырскому командиру сообщал: "...в бытность мою мог я видеть, что один сын отца родного, а потом и брат брата родные ж зарезали ножами, и то они почитают между собою ни во что. И когда у которого сына отец или мать придут в старость, то их у себя более не держат и в бывшие морозы отвозят от своих жилищ в даль и оставляют, где они и замерзают" (Там же, ф. 199, оп. 2, № 528, ч. 1, д. 6, л. 88 об.; см. также: [Колониальная политика..., 1935, с. 182]). Массовые самоубийства случались в ходе военных действий, когда чукчи терпели поражение. Как отмечал Д.И. Павлуцкий, чукчи "во время войны, будучи в опасном положении, себя убивают" [Сгибнев, 1869, с. 30–31]. В первую очередь воины убивали стариков, женщин и детей, а себя – в том случае, если не удавалось спастись бегством. Исследователи указывают, что чукчи (а также коряки и ительмены) считали суицид выходом из критической жизненной ситуации [Зеленин, 1937]. Ценность жизни своей или сородичей определялась тем, насколько ее условия и состояние соответствовали их представлениям о том, какой она должна быть. Старость, неизлечимая болезнь, тяжелое увечье, критическое материальное положение, а также плен не соответствовали понятиям "правильной" и "хорошей" жизни. Поэтому было лучше "переселиться" в потусторонний мир, где, согласно представлениям аборигенов, жизнь продолжалась. Изучая обычаи коряков и ительменов, С.П. Крашенинников сделал наблюдение, которое вполне можно отнести и к чукчам. "...По их мнению, – отмечал он, – лучше умереть, нежели не жить, как им угодно. Чего ради прежде сего самоубийство было у них последний способ удовольствия, которое до самого их покорения продолжалось, а по покорении... умножилось..." [1949, с. 368]. При этом уйти

надо было обязательно насильственной смертью, которая обеспечивала "переход" к добрым духам, тогда как умерший естественной смертью не только попадал в руки злему духу, но и сам становился им, принося несчастье своим близким [Зеленин, 1937; Богораз, 1939, с. 32, 43–44; Вдовин, 1976, с. 246; Шнирельман, 1994, с. 111]. В конце XIX в. анадырский житель Г. Дьячков, описывая чукчей, отмечал: "Чукчи убеждены, что если человек умрет своею смертью, то ему худо будет на том свете, поэтому, если чукча заболит, то он просит сына или брата заколоть его ножом или копьем" [1893, с. 60]. Кроме того, надо иметь в виду, что у народов крайнего северо-востока Сибири, в т.ч. у чукчей, существовал обычай жестокого отношения к пленным воинам-мужчинам; их нередко подвергали мучительным истязаниям и в конце концов убивали (см., напр.: [Дополнения..., 1859, с. 32; 1862, с. 9; Крашенинников, 1949, с. 402, 705; Богораз, 1900, С. 92–94, 331–334, 390; Этнографические материалы..., 1978, с. 121]). Русские также не отличались мягкосердием – применяли к пленным "немирным иноземцам", даже женщинам, пытки, устраивали показательные казни (см., напр.: РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 528, ч. 1, д. 17, л. 8 об.; [Сенатский архив, 1893, с. 202; Элерт, 1998, с. 125]). Кроме того, в северо-восточных острогах русские зачастую содержали аманатов, мало заботясь об их выживании. В конце 1730-х гг. Иркутская провинциальная канцелярия констатировала: "...из того зборного аманатского корму посланные зборщики и служилые люди про себя употребляют, а аманатом разве малое дело юколы ради пропитания дают, а больши питаются, собирая под окнами милостиною, и хуже скота содержат, что немалое озлобление такому дикому народу" (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 481, ч. 7, л. 199–199 об.).

Вряд ли мы ошибемся, утверждая, что чукчи уравнивали состояние аманата и пленника, тем более, что в качестве заложников русские пытались использовать именно пленных. Соответственно, для чукчей выдать аманата значило добровольно отдать сородича в плен на верные пытки и смерть; плен – аманатство рассматривалось как смерть. Вероятно, поэтому они заявляли, что по их понятиям "аманатов дать грех". И требование русских вносить ясак под аманатов чукчи воспринимали как абсурд – для них эти аманаты были уже мертвы. Правда, следует оговориться, что чукчи не исключали возможности "воскрешения" мертвых. Сравнение прибытия в аманатах с гибелью в море представляется неслучайным. Дело в том, что чукчи (а также эскимосы, коряки и ительмены) не умели плавать, хотя среди них были охотники на морского зверя. Более того, запрещалось даже спасать утопающих, а те, кому удавалось спастись, все равно считались погибши-

ми*»; чтобы коллектив их опять принял, человеку предстояло пройти специальный обряд очищения. В эскимосской сказке “Потерявшийся в море” рассказывается о том, что человек, потерявшийся в море, чтобы вернуться к нормальной жизни, должен был в буквальном смысле заново родиться [Сказки и мифы..., 1974, с. 63–66]. В.В. Леонтьев, лично изучавший коряков-кереков, отмечал: “В прошлом считалось, что пришедший с моря – это не человек, а душа, злой дух и его надо убить. Такая же участь ожидала тех, кого уносило в море. Когда по гаданию шамана выходило, что человек погиб, то по всему побережью быстро разносился слух, что пропал такой-то. И уже считалось, что этого человека нет. Если же ему удавалось спастись, то он должен был совершить определенный обряд на берегу моря со сменой имени на имя предка. Возвращение предка считалось естественным и обычным” [1976, с. 212]. Поскольку между чукчами и коряками (тем более между чукчами и их ближайшими соседями кереками) много общего (параллели в языке, материальной и духовной культуре) и в более ранние времена даже существовала единая “корякско-чукотская этническая общность” [Васильевский, 1973, с. 143], можно предположить сходство между чукчами и кереками в отношении к человеку, “взятому морем”. Поэтому, надо думать, не исключалось и “воскрешение” аманатов в случае прохождения ими некоего обряда. Соответственно, аманаты рассматривались не как окончательно погибшие, а как временно ушедшие в иной мир.

С середины 1750-х гг. русские, потерпев неудачу в попытках подчинить чукчей силой, перешли к мирному диалогу с ними. Чукчи, понеся в противостоянии существенные потери, также проявили заинтересованность в установлении мира. Русская сторона даже отказалась от требования выдачи аманатов, хотя в правительственных распоряжениях оно еще фигурировало (последний раз в отношении чукчей выдвигалось, вероятно, в инструкции 1772 г. камчатскому командиру М. Бему: “приводить их

*Интересное наблюдение об этом сделал Г.В. Стеллер. “Если в прежние времена кто-либо случайно попадал в воду, то ительмены считали большим грехом, если этому человеку удавалось как-нибудь спастись, – отмечал он. – Они того мнения, что раз подобному человеку уже было предназначено утонуть, то он поступил неправильно, не утонув. Такого человека с тех пор никто уже не впускал в свое жилище, никто больше с ним не разговаривал, ему не подавали решительно никакой пищи, не отдавали ему женщин в жены. Такого человека ительмены считали на самом деле уже умершим, и ему оставалось либо искать счастье на чужбине, либо дома умереть с голоду. ...Если кто-нибудь на глазах других падал в воду, присутствовавшие не давали ему спастись, а насильно топили его, помогая ему умереть” [1999, с. 172].

к шерти и брать от них в аманаты из лутчих людей” (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 539, ч. 2, д. 4, л. 15–15 об.)). Во второй половине 50-х – 60-х гг. XVIII в. на Анадыре состоялось несколько встреч русских и чукчей; чукчи соглашались добровольно вносить ясак (правда, только в обмен на подарки), но по-прежнему отказывались давать аманатов (см.: Там же, № 528, ч. 1, д. 3, л. 27; д. 10, л. 9 об. – 10; д. 17, л. 19 об. – 21 об.; ч. 2, д. 3, л. 28 об. – 30 об.; д. 4, л. 26 об., 122 об., 165; № 539, ч. 2, д. 6, л. 34–25 об., 38 об. – 39, 85 об.; ф. 1095, оп. 1, д. 24, л. 1–2; [Вдовин, 1965, с. 62, 76, 126–127, 128]). Интересно, что во время переговоров с анадырским командиром Я. Пересыпкиным в 1767 г. чукчи предложили “вместо объявленных аманатов якобы для своего русским людям постоянства” давать “за русских людей в замужество” “чукотских женок и девок”. Воспользоваться этим предложением решился, правда, только один казак, остальные отказались, мотивируя это тем, что ввиду переселения из Анадырска в Гижигинск не желают обременять себя семьей и лишними расходами на переезд (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 528, ч. 1, д. 17, л. 26; ч. 2, д. 3, л. 30 об.). Но весьма показательно, что чукчи обозначили свой вариант обеспечения мира: вместо русской системы аманатства и построенной на ней “верности” они предложили родственные отношения, которые оценивали как залог мира и дружбы между семейными кланами. Такая дипломатия была в ходу у местных народов. Например, в 1756 г. “для твердости миру” чукчи и коряки договорились о том, “чтоб чукчи своих детей женили на коряцких, а корякам условленность брать чукоцких в замужество” (Там же, ч. 2, д. 9, л. 13, 46).

Демилитаризация русско-чукотских отношений повлияла на восприятие чукчами русских: из “чужих”, врагов они постепенно превращались в соседей, с которыми можно мирно сосуществовать. Вместе с тем менялось их восприятие аманатства. В 1775 г. во время переговоров с русскими под Гижигинской крепостью чукчи – “старшины” Меньхта, Тетхей, Мумкаль, Умыч, Тыгагиргин, Аигит, Енут и Лохатка со своими стойбищами – первый раз добровольно выдали аманата. Правда, этот опыт оказался неудачным во многом по вине гижигинского командира Я. Пересыпкина. Когда чукчи пожелали удостоверить в том, жив аманат или нет, Я. Пересыпкин не только отказал им, но и потребовал выдать второго аманата. Дело закончилось вооруженным столкновением, в ходе которого чукчи были разбиты. Однако конфликт удалось уладить благодаря разумным действиям И.С. Шмалева и крещенного чукчи Н. Дауркина, специально направленных правительством для урегулирования русско-чукотских отношений (см.: Там же, № 539, ч. 2, д. 6, л. 41–57 об.; ф. 7, оп. 1, д. 2451, л. 65–70; ф. 1096, оп. 1, д. 42, л. 24–38 об.;

д. 43). После переговоров в Гижигинской крепости чукчи дважды оставляли своих аманатов: в 1778 г. тойон Амулят Хергынтов – 4 чел. (Там же, ф. 7, оп. 1, д. 2451, л. 16 об.), в 1779 г. тойон Хеврувья – 2 чел. (Там же, ф. 199, оп. 2, № 539, ч. 2, д. 6, л. 50–53 об.). Но в дальнейшем русская власть отказалась от взятия у чукчей аманатов, что соответствовало общей политике в отношении сибирских аборигенов (реформа ясачного обложения в ходе Первой ясачной комиссии 1763 г. (см.: [Полное собрание законов..., 1830, с. 153–154; История Якутской АССР, 1957, с. 133–140, 206–207; Федоров, 1978, с. 56–58, 115–117, 122–156]).

Анализ отношения чукчей к практике заложничества показывает, что для понимания характера русско-аборигенных контактов в период присоединения Сибири к России недостаточно знать их внешнюю, событийную, сторону, необходимо изучать ментальные представления и стереотипы групповой психологии взаимодействующих социумов.

Список литературы

- Богораз В.Г.** Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – СПб., 1900. – Ч. 1: Образцы народной словесности чукоч (тексты с переводом и пересказами). – 417 с.
- Богораз В.Г.** Чукчи. – Ч. 2: Религия. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1939. – 126 с.
- Васильевский Р.С.** Древние культуры Тихоокеанского Севера. – Новосибирск: Наука, 1973. – 267 с.
- Вдовин И.С.** Очерки истории и этнографии чукчей. – М.; Л.: Наука, 1965. – 401 с.
- Вдовин И.С.** Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 217–253.
- Дополнения** к актам историческим. – СПб., 1857. – Т. 6. – 517 с.; 1859. – Т. 7. – 489 с.; 1862. – Т. 8. – 523 с.
- [**Дьячков Г.**] Анадырский край. Рукопись села Маркова // Зап. Об-ва изучения Амур. края. – Владивосток, 1893. – Т. 3. – XXVIII, 158 с.
- Ефимов А.В.** Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. – М.: Воениздат, 1948. – 341 с.
- Зеленин Д.К.** Обычай “добровольной смерти” у примитивных народов // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – С. 47–78.
- Зуев А.С.** Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. – 330 с.
- Зуев А.С.** Промемории Д.И. Павлуцкого о деятельности Анадырской партии в начале 1730-х гг. // Вест. НГУ. – Сер.: История, филология. – Новосибирск, 2003. – Т. 2. – Вып. 2: История. – С. 133–139.
- Зуев А.С.** Присоединение крайнего северо-востока Сибири к России: военно-политический аспект. Вторая половина XVII–XVIII век: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Томск, 2005. – 48 с.
- История Якутской АССР.** – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 2: Якутия от 1630-х годов до 1917 г. – 419 с.
- Колониальная политика** царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. архив. мат-лов. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1935. – 210 с.
- Крашенинников С.П.** Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. – 841 с.
- Леонтьев В.В.** По земле древних кереков. Записки этнографа. – Магадан: Кн. изд-во, 1976. – 230 с.
- Открытия русских землепроходцев** и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: Сб. докл. – М.: Геогр. лит., 1951. – 618 с.
- Памятники** сибирской истории XVIII века. – СПб., 1882. – Кн. 1. – XXXII, 551 с.; 1885. – Кн. 2. – XXIV, 541 с.
- Полевой Б.П.** Новое об открытии Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Камчат. печат. двор, 1997. – Ч. 2. – 201 с.
- Полное собрание законов** Российской империи. Собрание I. – СПб., 1830. – Т. 16, № 11749. – С. 153–154.
- Сгибнев А.С.** Материалы для истории Камчатки. Экспедиция Шестакова // Морской сб. – СПб., 1869. – Т. 100. – № 2, неофиц. отд. – С. 1–34.
- Сенатский архив.** – СПб., 1893. – Т. 6. – 836 с.
- Сказки и мифы** народов Чукотки и Камчатки. – М.: Наука, 1974. – 646 с.
- Стеллер Г.В.** Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Камчат. печат. двор, 1999. – 287 с.
- Федоров М. М.** Правовое положение народов Восточной Сибири (XVI – начало XIX в.). – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 207 с.
- Шнирельман В.А.** У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. – Т. 1. – 176 с.
- Элерт А.Х.** Проблема вхождения коренных народов Сибири в состав России в неопубликованных трудах Г.Ф. Миллера // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. – Новосибирск: Наука, 1998. – С. 121–133.
- Элерт А.Х.** Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.
- Этнографические материалы** Северо-Восточной географической экспедиции (И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева). 1785–1795 гг. – Магадан: Кн. изд-во, 1978. – 174 с.

Материал поступил в редколлегию 27.11.06 г.